

О

б Алексее Прасолове написано так много, его творчество и жизненная судьба изучены так всесторонне, что браться

за какое-то новое исследование связанной с ним темы в определенной мере рискованно. Надежда Васильевна Тишанинова, взявшись за написание книги «Алексей Прасолов: «Прости меня...» (Воронеж: ЦНТИ, 2018. — 92 с.), безусловно, тоже рисковала. Но риск ее, мне кажется, был минимален. Ведь о роли в творческой судьбе поэта двух главных для него женщин — матери Веры Ивановны Гриневой и вдовы Раисы Васильевны Андреевой-Прасоловой — до сих пор не написал никто. Немаловажно и то, что Тишанинова — опытный педагог-филолог и в своей работе с детьми постоянно обращалась к творчеству поэта. И, наконец, о Прасолове-человеке она много узнала от мужа — журналиста Алексея Егоровича Тишанинова, работавшего вместе с поэтом в редакции Хохольской районной газеты, а с Раисой Васильевной сама хорошо знакома. «Меня покорила удивительная скромность, благородство этой замечательной женщины, ее начитанность, образность речи и сдержанность, — пишет Н.В. Тишанинова. — В

ней было что-то от пушкинской Татьяна: «без взгляда наглого для всех, без притязаний на успех».

Алексей Прасолов был соткан из противоречий. И самое главное из них заключалось вот в чем. Как справедливо заметил литературовед В.М. Акаткин, «начальные опыты Прасолова... — это скорее отклики на официальную литературу, на советскую общественную атмосферу, чем лирическое самовыражение или попытка создать оригинальный образ мира». Но на определенном этапе творчества поэт стал понимать: чтобы «дать своей душе почувствовать свою первородную связь с миром», нужно уметь держать ее, душу, «в черном теле», отказывая себе «во внешнем благополучии». Вместе с тем, в одном из писем Прасолов признается: «Не могу принять полностью чуждую утонченную жизнь, оторванную от земли и хлеба».

Вадим Кожинов считал это противоречие поэта «достаточно острым». «С одной стороны, — говорил известный литературный критик и философ, — он против «фактических» стихов, он говорит, что достигает своих вершин лишь тогда, когда «отрешается» от «предметности» мира, — и в то же время он, бе-

зусловно, настаивает на необходимости «первородной связи с миром» и «природности» мысли и чувства, не принимает «оторванность от земли и хлеба»... Но это реальное и плодотворное противоречие, лежащее в самой основе лирики Прасолова. Сила и ценность его творчества как раз в способности поэта утвердить «равновесие», способности, как он писал (пожалуй, несколько вычурно), «балансировать, как на лезвии».

Балансировать, как на лезвии... И это, и другие, более мелкие противоречия, тяжким грузом ложились не только на душу самого поэта, но и на души и плечи окружающих его людей. И прежде всего — на самых близких.

Первая глава книги Н.В. Тишаниновой под названием «Прости меня, мама!» посвящена взаимоотношениям между сыном и матерью. Автор книги пишет, что Прасолов «всю свою недолгую жизнь испытывал к матери двойственное чувство: с одной стороны, чувство теплоты, сострадания, с другой — отчаяния, что не было духовной близости, — так ему казалось». И все же до конца своих дней поэт будет и в своих стихах, и в дневниковых записках обращаться к образу матери, «чтобы осмыслить свое глубинное единство с ней».

Чувство вины перед нею тревожит поэта даже тогда, когда он прощен: «Прощеньем матери вдвойне / Наказан я...»

Н. Тишанинова считает, что мать была «мерилом совести поэта». Думается, такой вывод автора книги не просто имеет право на существование — он вполне логичен. Ведь и сам Прасолов писал о материнских руках:

Когда ж ударил час разлуки,
Они — по долгу матерей —
Меня отдали на поруки
Тревожной совести моей.

«О человеческой святине она пришла напомнить мне», — восклицал поэт.

Были ли столь же трепетны отношения между ним и женой — Райсой Васильевой?

Для Прасолова поэтическое творчество и любовь были величинами равнозначными. «Ни с чем иным она так не сходна, как с любовью, — говорил он о поэзии, — ее не остановишь, когда придет, не вызовешь насильно».

«Во имя твое» — так называется сборник стихотворений Прасолова, посвященный Раисе Васильевне Андреевой. Так названа и вторая глава книги Н.В. Тишаниновой.

В Раисе Васильевне Прасолов ощутил «свое, родное, однородное». Его покорила ее неповторимая индивидуальность.

Автор книги отмечает, что эта любовь не была сплошь светлой и радостной.

Еще Пушкин сказал:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

Но чем гениальнее поэт, тем сильнее он устремлен «к священной жертве» и тем меньше погружен «в заботах суетного света». А Прасолов, конечно же, был поэтом гениальным. Ему были чужды тепло семейного очага и «душный уют». И это еще одно его противоречие — противоречие между любовью и поэтическим Я. Он жил на разрыв, между землей и зенитом — не случайно именно эти слова вынесены в название одной из его книг.

Анализируя письма поэта, Н.В. Тишанинова приходит к выводу: «Прасолов как бы ставит жену перед выбором: служение ему, его поэзии или будущему ребенку». Понятно, что выбрала мать. «Переписка, дневниковые записки раскрывают необыкновенность духовного мира столь разных и таких похожих людей, их будущую трагедию, — говорит автор книги. — Чистота души, наивность, доверчивость к жизни, внутренний стержень, прямота молодой женщины вызывают закономерное желание поэта: «Как хорошо было бы, если бы ты толкала меня тем, что шла бы где-нибудь чуть впереди меня в чем-то. Но

это вечная печаль мужчины, которому надо самому быть впереди...»

Н.В. Тишаниновой, думается, удалось показать: и поэт, и Раиса Васильевна совершили подвиги. У каждого из них он был свой. Они были на разных просторах и даже на разных уровнях мироздания. Но было и есть в них нечто единое, целое. Этот подвиг продолжается и сегодня — самоотверженным служением Раисы Васильевны в деле увековечения памяти поэта.

В третьей главе книги — «На грани

счастья и беды» — помещены стихи Алексея Прасолова, посвященные двум женщинам: «одна из них дала поэту жизнь, другая проводила в последний путь и позаботилась о судьбе его наследия».

Книга Н.В. Тишаниновой раскрывает новые, не известные ранее грани судьбы одного из лучших представителей отечественной и мировой поэзии XX века. Можно не сомневаться, что эта работа займет достойное место среди посвященных ему исследований.

